

***

*Мои любимые поэты
Не продаются на «Озоне»...
Д. Мурзин*

мои друзья не продаются
друзья вообще не продаются
ни на озоне ни на рынке
иначе это не друзья

другим награды достаются
а мне уж не на кого дуться
ну что ж свои полуботинки
снимаю перед ними я

***

ничей я не был соплеменник
не жил в эпоху динозавров
что дактиль мне что птеродактиль
что ариосто или дант

но голод улисс тропик рака
но вопль в дороге голый завтрак
но чудаков гандлевский рыжий
я ваш навеки арестант

подражание а п цветкову

небо твердеет почти достигая сходства
с ёлочным шаром и мы у него внутри
будем как звёзды молчать о своём сиротстве
чёрные дыры космические нули

тление цвета и остановка звука
время бесследно как по воде веслом
дальше феномен не приведи наука
прятки в лесную глину и быть цветком

пусть коченеют в этом мирке без бирки
вечно-живые в замершем январе
пальцы берёзы запертые в пробирки
злые стрекозы спящие в янтаре

прах возвращайся к праху а голос к хору
кто-то идёт в дозор озирая льды
если у смертной души и отнимут форму
то сохранится хотя бы форма воды

***

Покидая окраиной этот сон,
озаренный неласковым, резким светом,
повернись напоследок к нему лицом,
преисполнись летом.

На краю огорода – фантом шоссе,
реденький частокол, давленная малина.

Там тропинка расходится на все семь,
вновь сходящихся около магазина.

Местный хор одомашненного зверья
завывает то жалобно, то свирепо.
В отражении мыльного пузыря
придорожная зелень смешалась с небом.

У соседей на заднем дворе – бассейн,
где купаются девочки, а над крышей –
реет ястреб. Опасности нет, но все
поднимают взгляд выше.

Это – русская готика, сторона,
окруженная дымчатыми лесами.
День сгорает и где-то внутри меня
Отзывается детскими голосами.

***

Как погода сыра,
Как приник слабый ветер к груди!
Нам идти и идти –
Почивать будем позже на лаврах.
Выпускные вчера
Отгремели, отпели... Гляди –
Мирно нежится водка
На снова доступных прилавках.

В этом городе я
Долго не был – а чаще к чему?
Ведь в незнание дорог
Есть глоток небывалой свободы.
У родного огня
Всё грядущее тонет в дыму,
И не знаешь, дружок,
Для чего ты родился и кто ты.

Снег нисходит с небес,
Позабывший, какое число.
Будто что-то постиг,
Я шепчу безбоязненно: «Разве
Тебе холодно здесь?
Мы домашнее носим тепло
В разговорах своих,
В безъязыком гуляя пространстве...»

***

рядом клёны и рябины
рытвины и котловины
обернётся куст иной
опалимой купиной

ржавый ветер осторожный
острый ножик выкидной
проходи скорей родной
переулочек безбожный

всё известно прежде срока
прежде сказано у блока
тем томительнее ждать
и в надежде повторять

словно изморось по коже
гроздья ярче тени строже
в просветлевших небесах
тишина в мгновенья эти
и любовь ко всем на свете
так что слёзы на глазах

***

второго пушкина не будет
не нужно гоголя второго
устало повторяют люди

второго чехова не будет
дай бог история рассудит
планеты выстроятся снова
второго бродского не будет
дождёмся пятого толстого

***

Вся белая,
ты отвернулась –
и нашу постель
накрыло позёмкой.

Прежде зрячий,
я сбит с дороги.
Тьма разверзла пасть
и выпустила
белый рой.

Сновидениям стало холодно,
и они вошли в нас,
как в тёмные глубины пещер,
переждать бурю, греясь
у цветка керосина.

Утро – уже в дороге –
оглашает окрестность гудками света,
и всё тело – сердце и слух.

***

теньями прошли через тернии
трусливый освоили труд
не слышно в сибирской губернии
военных рыдающих труб

вся музыка – треск позвоночника
стук оземь лихой головы

стихи в переводе с подстрочника
звучат – ни живы ни мертвы

не сладив с толпою опричников
оставив знамена в пыли
забыли былые обличия
а нового – не обрели

воскреснем потомками кайна
наш род возродим на земле
когда по завету державина
всё сгинет в проклятом жерле

спалит кровожадное зарево
страницы истории той
где мы зарифмованы заживо
с не стоящей смерти виной